
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЗЛАТА ХИТРОВА
Измена мужа.
Ты бросил меня в пустыне,
но её хозяин поставил
тебя на колени!

Злата Хитрова
Марина Ветрова

Измена мужа. Ты бросил меня в пустыне, но её хозяин поставил тебя на колени!

https://litres.ru/74716464
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж подделал мою подпись, аннулировал путёвку и улетел к любовнице. А меня оставил посреди марокканской пустыни без денег, документов и права на ошибку.

Со мной восемь туристов, впереди песчаная буря, а помощь придёт только от человека, которому здесь подчиняется вся округа.

Халид, суровый хозяин верблюжьей фермы, предлагает спасение на своих условиях.

Он привык повелевать. Я привыкла отвечать за людей. И уступать не собираюсь.

Но когда бывший муж решит окончательно уничтожить мою репутацию и украсть мой бизнес, именно Халид встанет рядом.

Теперь предателю предстоит узнать, чего стоит женщина, которую он считал беспомощной.

А мне — научиться доверять снова. И полюбить по-настоящему.

Содержание

Глава 1. Подделанная подпись 5
Глава 2. Одна полоска связи 10
Глава 3. Хозяин всей округи 15
Глава 4. Золотая клетка 20
Глава 5. Командир, а не гостья 25
Глава 6. Буран 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Марина Ветрова, Злата Хитрова Измена мужа. Ты бросил меня в пустыне, но её хозяин поставил тебя на колени!

Глава 1. Подделанная подпись

Я нашла эту бумагу первой — раньше, чем поняла, что нашла свою казнь.

Ночёвка была штатная, папка с маршрутными документами лежала у меня на коленях, фонарик тусклел, и я перелистывала листы на ощупь, сверяя завтрашний переход. И палец остановился. Лист. Обычный лист, лазерный принтер, шапка нашей турфирмы. «Заявление об отказе от путёвки». Ниже — «Прошу аннулировать мой тур в полном объёме, предоплату не возвращать». Ниже — подпись. Моя подпись. Капитолина Ерохина.

Двадцать секунд я не могла отвести взгляд. Знаете это

чувство: смотришь на свою фотографию в незнакомой комнате — лицо твоё, а ты туда не заходила. Росчерк мой: та самая петелька на «К», та самая длинная линия на договорах, которую я веду снизу вверх, не задумываясь. Но эту подпись я не ставила. Никогда.

Я перевернула лист. Дата — три недели назад. Город вылета — Касабланка. Внизу, мельчайшим шрифтом: «Подтверждение аннуляции принято совладельцем фирмы М. Ростоцким».

Муж. Совладелец. Марк.

И только потом — потом! — пустыня вокруг вспомнила, что она есть. Ветер шёл с востока, небо над дюнами стояло цвета старой латуни, и где-то за спиной бормотали во сне туристы, которым я обещала звёзды.

Ветер, впрочем, я почувствовала бы в любом случае. Пустыня разговаривает со мной двадцать лет, и я умею слушать: сегодня она была недовольна. Меня зовут Капитолина Ерохина, мне тридцать один, и если вы скажете «женщина в пустыне не выживет», я покажу вам три способа добыть воду из утреннего тумана и один — из собственного упрямства. Двадцать лет я работаю в песке — сначала мальчишкой-помощником при провожатом, потом гидом, потом — организатором маршрутов с собственным именем в путёвке. Три года назад к имени добавился Марк. Он вёл бухгалтерию нашей турфирмы, а я вела людей через песок, и мы делили счёт на двоих, как делят костёр. И вот сейчас, на последнем дюне

маршрута, я держала в руках доказательство, что костёр этот он продал за один вечер — вместе со мной.

Я набрала его номер. Он взял на второй гудок — как будто ждал.

— Капа. — Голос бодрый, шум на фоне — нарастающий вой турбин. — Ты получила папку? Отлично, значит, всё дошло.

— Марк. Что это за бумага?

— Ну, Капитолина... — он вздохнул, как вздыхают терпеливые родители. — Ситуация изменилась. Тур срывается, у фирмы сложности, я всё уладил. Твою путёвку аннулировали — это чистая формальность, ты же не турист, ты сотрудник.

— Я стою в пустыне с восемью туристами, Марк. Ты сдал маршрут?

— Я «пересобрал бизнес», — в его голосе появилась сталь, та самая, которую я путала с надёжностью три года. — Слушай, ты же справишься. Ты же профессионал, ты сама всем это говоришь. Ферма Халида в сорока километрах, они принимают группы, там Асма чудесно готовит. Доберёшься, передохнёшь, я пришлю деньги через неделю, когда разгребу счета.

— Где ты?

Пауза. Объявление на чужом языке, его голос куда-то ушёл, потом вернулся, уже скользкий:

— Я в аэропорту, Капа. Лечу по делам. Не порть мне дорогу, ладно? Ты сильная. Ты всегда была сильной, за это я

тебя и...

Он не договорил «за это я тебя и любил». Наверное, потому что любил он не это. Он любил мою подпись.

Связь оборвалась на полуслове — одна полоска, которая держалась весь вечер, лопнула, и экран остался пустым. Я сидела в кругу фонарика, с листом в руке, и пустыня вокруг меня была огромная и очень честная: она никогда не притворялась, что её можно обмануть. Врать умели только люди.

— Капитолина Николаевна? — Тимоша, восьмилетний сын Шилаевых, высунул нос из палатки, сонный, с примятым носом. — А чего вы без капюшона? Замёрзнете же.

Я сунула лист обратно в папку. Застегнула ремень. Улыбнулась восьмилетнему ребёнку так, как улыбаются гиды двадцать лет — ровно, тепло, надёжно.

— Иду, солнце. Спи. Завтра длинный день.

Завтра им понадобятся вода и транспорт, которых, как выяснилось, никто не оплатил. Завтра им понадобится гид, у которой нет ни денег, ни карты, ни документов — паспорт «оформлялся» в офисе, и я теперь понимала, чего его оформляли. Завтра им понадобится человек, который врёт уверенно.

А у меня осталась только одна валюта, которую муж не смог подделать. Моё имя на маршруте и моя голова на плечах.

Я подняла глаза к небу. Звёзды ещё не вышли, но восточный ветер стих — пустыня затихла, как затаившая дыхание

свидетельница.

Ладно, Марк. Ты улетел. А я осталась. Посмотрим, чья подпись чего стоит.

Глава 2. Одна полоска связи

Утро началось с чая из термоса и с вопроса, которого я боялась больше всего.

— Капитолина Николаевна, — Куликов, отставной инженер с руками, которые чинят всё на свете, присел рядом на корточки, — а завтра где вода? И машины во сколько подойдут? Я бы рацию у водителя перекантовал, а то у меня своя, отличная, — он похлопал по чехлу на поясе, — надо только полосу найти.

Я разливала чай ровной струйкой. Руки не дрожали — руки у гида не дрожат, это профессиональное.

— Вода — на скважине у фермы Халида, тридцать километров. Машины подойдут к полудню.

Это была правда. Часть правды. Джипы должны были подойти — потому что Марк подтвердил оплату письмом, которого у меня, конечно, не сохранилось: по бумагам, что стояли за моей подделанной подписью, я не имела права ни на тур, ни на припасы, ни на страховку группы. Я была женщиной, которая добровольно отказалась от путёвки. Своей рукой. По документам — да, своей.

После завтрака у меня снова поймалась та самая полоска связи — узкая, как нож, вонзённый в небо между двумя барханами. Я села на ящик, набрала офис. Взяла секретарша, чужой девичий голос:

— Ерохина, здравствуйте... — в голосе была та особая вежливость, которой говорят с уволенными. — Виктор Аркадьевич просил передать: по факту вашего добровольного отказа от путёвки тур считается расторгнутым по вине заказчика. Группа, прошу прощения, какая группа? По документам в туре никто не значится. Средств на ваше обеспечение фирма не выделяет. Заявление о блокировке вашей корпоративной карты уже направлено в банк.

— Секунду, — сказала я. — Кто будет встречать туристов с самолёта в следующую среду?

— К сожалению, все туры на месяц аннулированы. Всего доброго, Капитолина Николаевна.

Гудки. Полоска истончилась и исчезла.

До двадцати — так я учила Тимошу, когда он злился: считай, и злость выдохнется. Я досчитала. Злость не выдохлась, а застыла льдом. По льду хорошо скользить, но если прибить его под подошвы, можно идти.

Инвентаризация. Ясным внутренним взором, как инвентаризацию склада.

Деньги: наличные — триста дирхамов в кармане штормовки. Карта — заблокирована, бумаги у Марка. Документы: паспорт — в офисе «на оформлении». Вода: на группу — суток полтора при экономии. Еда: до послезавтра. Радио: у водителей, которых не будет. Туристы: восемь человек, из них один пенсионер с сердцем, один ребёнок и одна студентка в наушниках, которая пока вообще не поняла, что мир

сломался.

А вокруг — пустыня, которая не враг и не друг. Она просто честная.

— Капитолина Николаевна. — Ко мне подошла Куликова, тихая женщина в платке, и присела рядом без вопросов. — Вы уже второй час сидите с таким лицом, будто счёт считаете. Давайте я вам помогу считать. Я тридцать лет в казначействе просидела, у меня цифры в руках танцуют.

— Рая Семёновна...

— Не надо мне ничего говорить, пока сами не решите, — она похлопала меня по руке, и ладонь у неё была тёплая, в морщинках, как у моей матери. — Но вот что: вы вчера ночью папку перебирали и остановились на одном листе. И с тех пор у вас лицо человека, который узнал, что его дом стоит на чужой земле. Так вот, милочка моя, дом — это не бумажка. Дом — это люди, которые спят в той палатке. И вы за них отвечаете. Остальное — достроим.

Я посмотрела на неё. И впервые за сутки смогла дышать полной грудью.

— Вода у нас есть на полтора дня, — сказала я. — До скважины Халида тридцать километров. Если пойдём ночью, по прохладе, дойдём за сутки. Люди выдержат.

— Выдержат, — просто сказала Куликова. — Я командный голос в тебе слышу, девочка. Иди командуй.

Я собрала группу у полуденной тени брезента. Восемь лиц. Лев-фотограф прикидывал что-то объективом, Ника

сняла один наушник — уже прогресс, Шилаевы держались за Тимошу, как за поплавок.

— Друзья, планы меняются, — сказала я ровно. — Транспорт задерживается. Мы выходим сегодня в восемнадцать ноль-ноль и идём ночным переходом до скважины. Тяжело, но я вас проведу. Вопросы?

— А машина-то зачем тогда была? — прищурился Шилаев-старший.

— За тем, что планы — это то, что меняется, — отрезала я. — А люди — это то, что доводится до конца. Вы с нами или как?

Молчание. Потом Куликов поднял руку, как на партсобрании:

— Я с вами, Капитолина Николаевна. И рацию захвачу — вдруг полосу поймаем.

И тут Ника, студентка, которая весь день не вынимала наушники, сказала, лениво и в самое сердце:

— А я вчера ночью видела огни. Вон там, — она махнула рукой на север, — за той дюной, что-то светилось и рычало. Думала, машина. Потом смотрела — не машина.

Все повернули головы на север. За низкой грядой стояла ровная стена сумрака, и небо над ней было чистое.

Но через десять минут, когда мы уже сворачивали лагерь, над грядой поднялась пыль. Не ветровая — она шла столбами, ровными, как колонны. И сквозь пыль, в дрожащем мареве, проступали три силуэта: джипы, крытые брезентом,

шли на нас напрямую, по гребням, как ходят только те, кому эта земля принадлежит.

На капоте первого джипа белела эмблема — верблюд на фоне полумесяца. Ферма Халида.

Они нашли нас. И я ещё не знала, что нашедший всегда назначает цену.

Глава 3. Хозяин всей округи

Из первого джипа вышел он сам.

Я знала о Халиде всё, что положено знать гиду: хозяин верблюжьей фермы, сорока километров оазисов, единственной исправной скважины в округе и, говорят, половины транспорта от воротного города до больших дюн. Вода, бензин, полиция, рыночные цены — всё проходило через его руки. Двадцать лет я водила группы мимо его владений и никогда не въезжала туда без приглашения. Приглашения не было ни у кого. Была только цена.

Он был молод — не старше тридцати пяти, — высокий, в тёмном, без единого украшения, и шёл по песку так, как ходят по собственному ковру: не глядя под ноги. Лицо — резкое, скулы, взгляд, который взвешивает быстрее, чем человек успевает открыть рот. За ним шёл Идрис — сухой жилистый мужчина с лицом старого проводника, — и двое молчаливых парней.

— Кто старший? — спросил Халид. По-французски, потом — когда Лев потянулся переводить — по-русски, с акцентом, но чисто.

— Я. Капитолина Ерохина, гид. Группа из восьми человек, — я шагнула вперёд. — Мы направлялись к вашей скважине. Оплата тура была произведена, подтверждение...

— Я знаю про подтверждение, — сказал он ровно. — Мне

звонили из города. Женский голос, обаятельный, обещал перевести деньги в среду. Деньги не пришли. Звонили второй раз и сказали, что оплаты не будет никогда, потому что туристка Капитолина Ерохина отказалась от путёвки. Своей подписью.

Ветер шевельнул край моего платка. Восемь человек за моей спиной молчали так громко, что было слышно, как оседает песок.

— Есть нюанс, — сказала я. — Я подписи не ставила.

— Я знаю.

Это он сказал так просто, что я на секунду потеряла речь.

— Простите?

— Я видел эту бумагу, — Халид смотрел мне в глаза без всякого выражения, как смотрят на карту. — Печать ваша фирма ставит синим, сверху вниз, с наклоном вправо. Здесь стоит фиолетовая, снизу вверх. Фальшивка кустарная. Но бумага работает в банках, а банки мне подчиняются. — Он повернулся к Идрису и сказал несколько слов на своём языке. Идрис кивнул и открыл брезент на втором джипе: канистры с водой. — Двадцать литров на человека. Этого хватит вам дойти до фермы пешком, если пойдёте сейчас, по прохладе.

— До фермы? — переспросил Шилаев-старший. — А машины нас не довезут?

— Довезут, — сказал Халид. — За плату. Которую никто не внёс.

Лев-фотограф зашептался с Никой. Я видела, как в глазах группы растёт та самая паника, которую гид обязан гасить до того, как она встанет на ноги.

— Сколько? — спросила я прямо.

Халид перевёл на меня взгляд. И впервые посмотрел не сквозь меня, а на меня — как смотрят на противника, который не стал сразу искать защиты у мужчин.

— Вода и проход по моей земле — дар, — сказал он. — Такой у меня обычай: путников не бросают. Но транспорт, еда, кров, охрана — это уже не дар, это услуга. А услугу я не оказываю тем, кто не отвечает. — Он сделал паузу, короткую, как щелчок. — Ферма примет твою группу. Полностью. Но условие одно, и оно не обсуждается: ты отвечаешь передо мной лично. За каждого. За их шум, за их болезни, за их слова, за всё, что они сломают и что скажут. Восемь человек — восемь ответов, и все они — твои. Подпись поставить?

Он протянул планшет. На экране горел документ на языке, которого я не знала, и внизу мигало пустое поле.

Вот, значит, как это бывает, когда ты сама полжизни собираешь чужие подписи. Сверху приходит человек, которому принадлежит вся пустыня, и ставит перед тобой твой же трюк.

— А если я не подпишу? — спросила я.

— Тогда мой человек довезёт твою группу до города и высадит у ворот. Мою воду они попили — я подарил. Дальше — сами.

— А вы?

— Я? — уголок его рта дрогнул — не улыбка, тень улыбки. — Я буду тут. У меня есть время. Пустыня учит ждать, гид.

Я оглянулась. Тимоша уже спал, размазанный по плечу матери. Куликова смотрела на меня — спокойно, доверчиво, как смотрят на того, кто уже принял решение. Шилаев-старший вытирал пот с шеи — в дневной жаре его сердце стучало неровно, я это слышала по тому, как он дышал.

Я взяла планшет. Прочла то, что смогла понять, — Идрис молча перевёл ключевые строки, ни разу не глянув на хозяина, будто это было обычное дело. Затем я поставила палец на экран.

— Подпись, — сказала я, — пусть будет моя. Но запомни, Халид: я отвечаю за людей перед людьми. Не перед землёй и не перед тобой. Если твой человек обидит моего туриста — я этот счёт выставлю тоже. Лично. Тебе.

Наступила тишина. Идрис перестал дышать. Один из молчаливых парней смотрел в песок, как смотрят, чтобы не увидеть, что будет дальше.

Халид наклонил голову — на миллиметр. Но в этой пустыне миллиметр — это жест на полконтинента.

— Идрис, — сказал он, — посади женщину с ребёнком в первую машину. Канистры — во вторую. — И мне, уже поворачиваясь: — Едь в первой, гид. Мне интересно, чья у тебя подпись, если не твоя.

Джипы тронули. За кормой вставала огромная тёмная масса фермы — тяжёлые стены, огни, запах навоза, сена и дымов. Земля, которой владеет один человек.

И я ехала туда с восемью заложниками собственной подписи, понимая только одно: из этой земли не выходят по желанию. Из неё выходят по расчёту.

Надо было рассчитывать.

Глава 4. Золотая клетка

Ворота фермы были выше человеческого роста и окованы железом, и когда они открылись, выяснилось, что за ними — не загон, а маленький город: длинные белёные дома, навесы, ряды загонов, колодец с журавлём, сад в низине, зелёный настолько неуместно, что глазу было больно. Пахло сеном, верблюдами, дымом и — неожиданно — мятой.

Нас встретила Асма. Маленькая, сухая, лет шестидесяти, в тёмном, с повязанной по-домашнему косынкой, она окинула взглядом нашу группу за две секунды и выдала приговор:

— Двое не пили с утра. У мальчика натёрта нога. У старика — сердце. Женщину с косынкой — ко мне, ей надо сесть. — Она говорила по-арабски, Идрис переводил, и с каждым словом группа, только что стоявшая по стойке смирно, начинала расслабляться. — Остальных накормим через час. Вода — в умывальне, левый кран холодный, правый горячий, не перепутайте, правый кипяток.

Нас разместили в длинном гостевом доме — комнаты чистые, стены в два кирпича, на окнах резные ставни, которые запираются снаружи. Я заметила это, когда распределяла людей: тяжёлые двери, засовы, решётки на окнах сада — и мимоходом подумала, что клетка от добра отличается только тем, изнутри ли ты в неё вошёл.

А потом Асма позвала меня — жестом, без слов, — и по-

вела через двор в дом хозяина.

Кухня была огромная, тёплая, с низким потолком и глиняным подом. Асма молча налила мне кофе — по-арабски, густой, с кардамоном, в крошечной чашке без ручки. Чашка обожгла пальцы. Кофе был такой, что после него обычная растворимая жизнь казалась недоразумением.

— Пей, — сказала она по-арабски и сама перевела, коверкая: — Пить. Ты — худая. И глаза — как у лошади, которую везли без воды. Пить.

— Спасибо, — сказала я. И, помолчав: — Меня зовут Капитолина.

— Я знаю. Тебя здесь все знают. — Асма поставила на стол лепёшку, ещё горячую, с зирой. — Хозяин сказал: женщина с чужой подписью. Я сказала хозяину: у женщины руки пекарские, я видела, как она резала хлеб для своих. Такие не подделывают. Такие — переписывают. — Она забрала у меня чашку и налила снова, не спрашивая. — Ешь. Потом пойдёшь подписывать его бумаги по-настоящему.

— Они уже подписаны.

— По-ихнему — да. По-настоящему — нет. — Асма вытерла руки о передник. — Здесь бумага — это начало разговора, а не конец. Иди. Он ждёт.

Он ждал в комнате, которую я потом назову его кабинетом: ковры, сундуки, вдоль стен — старое оружие и старая посуда, на столе — бумаги и одна-единственная лампа. Халид сидел по-восточному, без обуви, и что-то писал. Поднял

глаза.

— Садись. Кофе пила?

— У Асмы.

— Значит, кофе ты пила настоящий. Теперь про остальное. — Он подвинул ко мне лист, уже на русском, с переводом. — Условия. Твоя группа живёт на ферме, пока не решится вопрос с оплатой. Ты работаешь: ведёшь людей, помогаешь Асме, смотришь за животными, когда попросят. Считаем по дням, как долг, а не как кабалу. Идрис ведёт учёт, всё письменно, каждую неделю даю тебе выписку. Обмана не будет — но и проверок с твоей стороны прошу не начинать. Проверяешь — значит, не веришь; не веришь — значит, уходи.

Я читала. Медленно. И чем дальше, тем яснее понимала: документ был составлен жёстко — и честно. Ни одного пункта, за который можно было бы зацепиться и сказать «вот здесь ты меня обманул». Халид не оставлял места обману — ни своему, ни чужому.

— Третий пункт, — сказала я. — «В случае спора сторона, нарушившая доверие, покидает ферму в течение суток». А если нарушившая — вы? Тоже в течение суток?

Он посмотрел на меня долго. В свете лампы его лицо казалось старше.

— Да, — сказал он наконец. — И пусть Идрис запишет это симметрично. Ты первая, кто это спросил.

— Потому что я первая, кто прочёл до конца.

Идрис что-то написал, Халид глянул, кивнул. Я поставила подпись — свою, настоящую, петелькой и линией снизу вверх, — и, поставив, вдруг поняла, что за последние сутки это первый документ, который я подписала не под страхом, а по расчёту. Разница — как между падением и прыжком.

— Договор есть, — сказал Халид, убирая лист. — Теперь слушай правило дома, его нет в бумагах. В моём доме не врут. Ни мне, ни слугам, ни верблюдам. Соврать — значит выйти за ворота. Понятно?

— А если соврут не мне, а про меня?

— Тогда врут о госте моего дома. Это ещё хуже. — Он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена, и у двери, не оборачиваясь, добавил: — Твоя комната — в гостевом доме, вторая от угла. Окна на восток. Асма оставит тебе ужин. Ешь и спи. Завтра будет жарко.

Комната оказалась маленькой и идеальной: циновка, матрас, одеяло, кувшин, стакан, на подоконнике — ветка какой-то травы, пахнущей лимоном. Асма оставила ужин на низком столике: та самая лепёшка, бобы в томате, оливки, финики, остуженный чай в бутылке.

Я поела — медленно, впервые за трое суток слыша вкус. Потом помыла посуду — сама, не заметив, что в этом доме это делают служанки, — легла и потянулась к потолку, где в свете луны плавали тени от ставен.

Золотая клетка. Тяжёлые двери, запоры, чужая земля, долг за каждый день.

Но снаружи, за теми же воротами, был муж, который сдал меня за один вечер, банк, который заблокировал карту по чужой бумажке, и пустыня, которая не прощает неосторожных. А внутри — кофе с кардамоном, тёплая лепёшка и слово «долг» вместо слова «кабала».

Впервые за двое суток я уснула без страха.

Разбудил меня под утро не будильник — запах. Асма пекла хлеб, и весь двор пах так, что захотелось жить. А когда я вышла умываться, Идрис уже ждал у колодца, и лицо у него было странное.

— Вставай, гид, — сказал он. — Хозяин зовёт. У старика с сердцем плохо. И небо на востоке — неправильное.

Глава 5. Командир, а не гостья

Шилаев-старший лежал в гостевой комнате, серый, как утренний песок, и дышал часто и мелко. Его жена сидела рядом и не плакала — что было хуже. Куликов держал его за запястье и считал пульс — отставной инженер умел и это.

— Перебрал вчера на солнце, — сказал Куликов мне тихо. — Плюс нервы, плюс вода жёсткая непривычная. Пульс нитевидный. Капитолина Николаевна, ему нужен покой, тень и литр-полтора регидратации. Есть ли у них тут солёно-глюкозные растворы?

Есть ли у Халида аптечки, я узнала через десять минут. Были: большая фермерская аптека в доме Асмы, с солевыми пакетами, но запас подходил к концу, а пополнение — только из города, восемьдесят километров, машина ходит через день.

Проблема была глубже. Был полдень, и жар стоял такой, что металл джипов нельзя было трогать рукой. И была жажда — у всех, у всей группы, и особенно у тех, кто стеснялся жаловаться. И был Халид, который с утра уехал на дальние загоны и вернулся как раз тогда, когда Шилаеву стало хуже.

Он вошёл в комнату, посмотрел на больного — три секунды, — и повернулся к Идрису. Заговорил быстро, по-своему. Я поняла обрывки: «врач», «город», «машина», «дорого».

— Подожди, — сказала я. По-арабски я не говорила, но

говорить было некогда, и я просто встала между ним и дверью. — Ничего никуда не поедет, пока не сделаем вот что. Слушайте оба.

Идрис моргнул. Халид — не двинулся, но и не ушёл. Это было моим первым чудом за день: он остался слушать.

— Во-первых, — я говорила быстро и ровно, как на инструктаже, — солевой раствор мы начнём с малых доз, по сто миллилитров каждые пятнадцать минут, иначе сорвёт желудок. Асма знает, где пакеты. Во-вторых, охлаждение: мокрые полотенца на шею и запястья, не на лоб — на лоб только для красоты. В-третьих, все окна в этой комнате закрыть, ставни — да, солнце — нет, сквозняка — нет. В-четвёртых — и это главное. — Я обернулась к остальным. — Ваш выход во двор откладывается. Все. Ни один человек из группы сегодня до шести вечера не выходит из тени и не пьёт холодную воду залпом. Маленькими глотками, тёплую, с солью. Рая Семёновна, следите за Тимошей. Лев, фото — вечером. Ника... — студентка подняла глаза от телефона, — у тебя в наушниках ветер, используй их по назначению: сиди с бабушкой Куликовой и разговаривай.

— А что мне делать? — спросила Ника, и впервые за всю дорогу в её голосе не было скуки.

— Пересчитывать пульс у Шилаева каждые десять минут и звать меня, если он меньше пятидесяти. У тебя быстрые руки и терпение — я видела, как ты считала. Годится.

Она кивнула. Люди двинулись — не потому, что я была

начальником, а потому, что кто-то наконец сказал им, что делать, и сказал правильно.

Асма уже несла растворы. Идрис закрывал ставни. Я стояла на коленях у постели Шилаева, стелила полотенце, отмеряла сотню миллилитров на глазок, и старик смотрел на меня мутнеющими глазами и говорил:

— Ты как моя дочь, Капитолина Николаевна... Дочка у меня в Перми, а я дурак, я на солнце полез...

— Тише, Пал Палыч. Вы ещё потанцуете на золотой свадьбе.

— Мы с Клавдией тридцать лет... — он усмехнулся и уснул. Это был хороший сон, ровное дыхание. Я потрогала его лоб — сухой. Победа.

Когда я вышла во двор — промокшая, с мокрыми полотенцами в руках, — во дворе стоял Халид. И все его люди. Штук десять, полукругом, с теми лицами, с которыми в пустыне слушают старшего. Халид смотрел на меня поверх голов.

— Скажи им, — сказал он мне по-русски, громко. — То, что ты сказала мне в комнате. У меня трое сегодня жаловались на голову. Пусть слышат от тебя.

И я — не спрашивая, не переводя взглядом разрешения, — сделала шаг вперёд и заговорила. Про жажду, которую стыдно чувствовать. Про холодную воду, которая убивает быстрее тёплой. Про тень, которая — не слабость, а укрытие. Идрис переводил за мной, и с каждым переводом полукруг

людей Халида становился плотнее и тише. Один парень, здоровенный чабан, пробормотал что-то с усмешкой — Идрис одёрнул его резким словом, и Халид посмотрел на усмехнувшегося так, что тот забыл, как улыбаться.

Я командовала его людьми. В его дворе. На его земле. И он — позволял.

Когда всё закончилось, он подошёл сам. Близко — на ту дистанцию, на которой в пустыне разговаривают только двое. Я всё ещё держала мокрые полотенца; вода с них капала на пыль у сапог. Халид посмотрел сначала на них, потом на меня.

— Ты дала мне сегодня урок, гид, — сказал он тихо. — Я умею приказывать. Ты умеешь делать так, что люди хотят выполнить. Это дороже.

Я перехватила полотенца поудобнее, чтобы они не сползли на землю. После горячей комнаты ткань уже остывала, а от ладоней тянуло лекарственной солью.

— Это не урок. Это ремесло. Двадцать лет.

— Двадцать лет, — повторил он, будто пробуя вес. — И тебя выкинули на эту землю за один вечер.

Я подняла глаза. Он произнёс это без жалости, но в голосе всё равно задело то место, которое я с утра старалась не трогать: будто мою работу можно было отменить чужой подписью.

— Выкидывают не меня. Бумажку с моим именем. Разберёмся — увидим разницу.

Он чуть наклонил голову — та самая честная буква «уважаю» на языке этой земли. На миг задержался, словно собирался ответить, но вместо этого повернулся к своим и коротко распорядился убрать пустые кувшины. Я осталась посреди двора с мокрыми полотенцами. Только когда он отошёл, поняла, что всё ещё сжимаю ткань так крепко, что занемели пальцы. Я разжала их и выдохнула: где-то внутри меня встало на место то, что было сломано в аэропорту чужим равнодушным голосом.

Вечером Асма оставила у моей двери тёплую лепёшку — уже привычно, уже ритуал, — но сегодня на лепёшке лежал сложенный вчетверо листок. Внутри корявым, буква к букве, почерком было выведено: «Доченька. Ты сегодня спасла старика и научила моих глупых мальчиков. За это тебе от меня — хлеб и слово: ты в этом доме не гостья. Гостья уходит. Дом — остаётся. Асма».

Я сидела на пороге своей комнаты, ела лепёшку и, честно вам скажу, плакала — тихо, в два ручья, не вытирая. Не от горя. От того, что чужая женщина в чужой пустыне назвала меня доченькой — за один день, за старика и за мокрые полотенца. Двадцать лет работы, три года брака — и вот: хлеб и слово.

Я допила чай, сложила листок в карман — туда, где раньше лежало обручальное кольцо, — и вышла во двор проветриться.

И тогда я увидела небо.

На севере, там, где вчера шли джипы, горизонт стоял цвета песка — не закатного, не золотого: сухого, мутного, поднятого. Стена песка, ровная, как проведённая линейкой, от края до края земли.

Идрис тоже смотрел туда. Он сказал тихо, не оборачиваясь:

— Буран будет к ночи. И он большой.

Глава 6. Буран

К восьми вечера звёзды исчезли. Небо стало низким, жёлтым, и ветер сменился — шёл теперь не с востока, а со всех сторон сразу, и в нём, кроме песка, было что-то ещё: сухое электричество, от которого волосы дыбились под платком.

На ферме знали, что делать: животные уже были загнаны в загоны, окна заколочены ставнями изнутри, Асма разносила по комнатам воду и свечи. Люди Халида двигались молча, привычно, как солдаты по тревоге.

А я стояла посреди двора и слушала — не ветер, землю. И мне не нравилось то, что я слышала.

— Идрис! — Я поймала его за рукав. — Гость в восточном флигеле — там щель под дверью в палец. И у меня в гостевом доме восемь человек, из них двое старых и один ребёнок. Где ваш расчёт на эту ночь? Где места укрытия, где связь между домами, где вода на случай, если нас отрежет?

Идрис посмотрел на меня как на ненормальную.

— Гид, это не твой буран. Это наш. Мы каждую весну их встречаем.

— Тогда почему у вас канистры с водой стоят во дворе?!

Он обернулся. Канистры стояли во дворе. Двое парней как раз волокли к ним брезент.

— Хозяин велел подготовить... — начал Идрис и осёкся. — Пойди скажи ему сам. Он в конюшне.

Халид был в конюшне, у последнего денника, где верблюдица вот уже вторые сутки не вставала — тяжёлые роды. Он стоял на коленях в соломе, и когда я вошла, он даже не поднял головы. Я никогда не видела его таким: без властности, без фасада, просто человек, который борется за жизнь, которая ему не обязана быть благодарной.

— У тебя беда, — сказал он, не оборачиваясь. Я услыхала. Сквозь вой.

— У нас у всех беда через два часа. Идрис готовит укрытие по старой схеме — водой во дворе, группами по домам. Так нельзя. Слушай меня.

Теперь он обернулся. Солома на руках, в глазах — усталость и что-то ещё, мгновенное, как искра.

— Говори.

— Старая схема не работает, когда буран стеной, а в группе дети и старики. Разрывать группу по разным домам — потеряешь контроль: в темноте не увидишь, кто дошёл, кто упал. Все — в один дом, самый крепкий, тот, что у колодца, со сводчатым потолком, он в вашей же деревне таким строился. Вода, еда, свечи — туда, заранее. Люди переходят цепочкой, связаны верёвкой, я иду первой, замыкает самый сильный. И главное: выходить надо сейчас, пока видимость есть. Через час ты не сможешь послать человека через двор.

Он выслушал всё — не перебивая, чего я от него никак не ожидала. Потом поднялся, отряхнул руки о штаны — жест настолько хозяйский, что я чуть не улыбнулась, — и крикнул

что-то в темноту. Прибежали трое.

И дальше было самое странное за все мои двадцать лет. Халид отдал приказы — и всё, что он приказал, было моим планом, слово в слово. Воду — в дом у колодца. Людей — цепочкой, верёвкой. Первая — гид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.